

Н. В. Полещук, Т. Г. Трофимович (Минск)

ЧЕРНЫЙ В СТАРОРУССКОЙ И СТАРОБЕЛОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В старорусской и старобелорусской фразеологии выделяется группа единиц с компонентом *черный*. Прилагательное *черный* восходит к праславянским **čьrnъ*, **čьrxnъ*, родственных большому количеству индоевропейских слов со значением «черный» [Фасмер, 4, с. 346]. Не продолжая далее этимологические изыскания, укажем, что обозримая история слова *черный* начинается со значений, которые называют признак предмета черного цвета. Изначально это были атрибутивные колористические наименования.

Отмечены такие старорусские словосочетания, как *деревня черная*, *земля черная*, *соха черная*, *куна черная*, *корм черный*, *двор черный*, *лес черный*, *люди черные*, *слуга черный*, *бор черный*, *проторы черные*, *запись черная*, *волость черная*, *село черное*, *слобода черная*, *книги черные*, *сотня черная*. Они именовали предметы, соответственно находившиеся в феодальной зависимости, имеющие отрицательные свойства, нечистые. Текстовые данные подтверждают семантику единиц с компонентом *черный*: *А на кого взмолвят дети боярские человек десять или пятнадцать добрых, или черных людей человек пятнадцать...* (Суд. 1550 г., 58); *А отсидят свои уроки, и они потянут з боярскими сиротами к черным людям в дань по силе, а судом к городу* (Жал. гр. 1424 г.); *А с черных деревень велельсьми имати корм...* (Дох. список 1506 г.); *И у дозорщиков остались черные книги их письма и меры* (УКПП).

Появляется еще одно значение, реализованное в бивербах *люди черные*, *слуга черный* ‘простой, незнатный’. Семантику и особенности функционирования этих названий хорошо иллюстрирует пример из текста Судебника 1550 г.: *А взыщет черной на черном, или помещик на помещике... или черной селской на помещике, или помещик на черном на селском* (Суд. 1550 г., 84). Налицо факт метафорического переноса. Вероятно, именно такой смысл привел позже к появлению рус. *белая кость*, *черная кость* и бел. *белая косьць* (*костька*), *чорная косьць* (*костька*) – о людях знатного или незнатного происхождения [СРЯ, 2, с. 114; ТСБМ, 2, с. 717].

Фиксируются и фразеологизмы *бор черный* ‘поголовная дань, введенная татарами’; *молоко черное* ‘кумыс’ [Срезн., 3, с. 1563–1564]. Можно предположить, что налоги, которые ввели татары, получили название *бор черный* (*борь* < *бъръ*, *бърати*) потому, что они были тяжелыми, связанными с несправедливостью. Кумыс могли назвать так потому, что это молоко было менее белым, чем распространённое у восточных славян коровье. Сравним зафиксированное В. И. Далем название *капуста черная* ‘простая, серая, наружный лист кочня’ [Даль, 4, с. 594]. Отмеченное ранее противопоставление белого не только черному, но и красному, серому, возможно, другому, реализуется в устойчивых словосочетаниях. Ср.: русск. *черная икра* – *красная икра*; *черная магия* – *белая магия*; *черные металлы* – *цветные металлы*; белорусск. *чорная ікра* – *чырвоная ікра*; *чорная магія* – *белая магія*; *чорныя металы* – *каляровыя металы* [СРЯ, 4, с. 668; ТСБМ, 5, с. 316].

В семантике прилагательных *белый* и *черный* вырисовывается последовательная корреляция антонимического типа. Удаётся вычленить определенный смысловой каркас, который одинаков у указанных старорусских слов. Исконно устанавливаемое противопоставление по цвету стало базой для многочисленных вариаций, обеспечивающих выражение разнообразных смыслов: чистый – грязный, свободный – несвободный, знатный – незнатный, положительный – отрицательный. Большинство отмеченных фразеологизмов старорусского языка может быть объединено в антонимические пары: *белый лес* – *черный лес* (*хвойный* – *лиственный*); *белая деревня* – *черная деревня*; *белая книга, запись, грамота* – *черная запись, книга, грамота*; *белый двор* – *черный двор*; *белая изба* – *черная изба*, *белые люди* – *черные люди*.

По данным картотеки “Исторического словаря белорусского языка», *черный* – черный, самый темный из всех цветов; грязный; темнокожий; обычный, повседневный, непроздничный; неглавный, нецентральный; второсортный; зависимый; несчастный, обделенный; траурный [КГСБМ]. Материалы картотеки позволяют утверждать, что старобелорусскому языку было известно много устойчивых словосочетаний с прилагательным *черный*: *лес черный*, *гридня черная*, *изба черная*, *болезнь черная*, *книги черные*, *куна черная*, *люди черные*, *реестр черный*, *пиво черное*, *человек черный*, *мужик*

черный, Русь черная, железо черное, море черное. Ср.: лес черный ‘лиственный лес’: *вольности маеть давати урадь на пять альбо на шесть летъ, ажъ и до десети, а то маеть быти, где чорные леса, а тяжкие ку выробеленью* (КПД, 574, 1557); *черная грядня* ‘помещение для дворни’, *грядня* ‘помещение при княжеском дворе, где жила княжеская дружина или где принимали гостей’ (ТСБМ, 2, с. 86): *светлица сажня полтретя, против светлицы грядня чорная* (АВАК, VII, 416, 1586); *изба черная* ‘коптильня’: *И Стецко рекъ передъ нами: тотъ броваръ одинъ мужъ ее купилъ, а жо все з лесу съ Клонского выробилъ хоромы и тую избу чорную* (КСД, 19, 1510); *болезнь черная* ‘чума’: *якобы князь Дмитрей Улицкий чорною болезнею не мозучи самъ ся заколотъ мель* (АЗР, I, 278, 1608); *книги черные* ‘судебные книги, в которые записывались сведения о грабежах’: *установем бы повалая злодейские перед правомъ оповеданы и явне высветчоны и были до книгъ враду кожного записованы, которые книги яко передъ тымъ такъ и тепер зовут чорными книгами* (Статут 1566, 100б); *куна черная* ‘вид налогообложения в пользу князя’: *ненадобе брати чорное куны, ни иное ничтожь* (АЗР, I, 53, 1440); *люди черные* ‘люди, которые принадлежали к непривileгированному сословию, классу; основная масса населения городов ВКЛ в 15–16 веках’: *ино дей тыи люди чорные часто ся сходять у вecho чого жъ имъ наместники и дьяки боронять и на торгу кажуть, ижъбы ся у вecho не сходили, бо не ведають што думаютъ* (АЗР, II, 332, 1534); *Русь черная*: *На той часъ были на чорной и белой руси межи иными княжати рускими* (Хроника Стрийковского, 524).

Факты старобелорусского языка свидетельствуют о том, что отправной точкой метафоризации компонента *черный* тоже было цветное значение и что направления переосмысления находились в общем русле со старорусским языком, что свидетельствует об общности менталитетов древних восточных славян и существовании сходных механизмов появления устойчивых наименований.

Рассмотрение фразеологизмов с компонентом *черный* подтвердило наше предположение о том, что в таких наименованиях ономаσιологический базис соотносится с субстантивным компонентом, который сохраняет такое же денотативно-сигнификативное содержание, как и параллельное слово со свободной сочетаемостью. Экс-

понент названного им денотата категориально тот же, что и у слова. Атрибутивный компонент анализируемых фразеологизмов в разной степени переосмыслен, он является средством экспликации ономаσιологического признака и осознаваем как таковой. Встает вопрос о том, как его оценить с учетом положенного в основу наименования понятия. Полагаем, что такой признак может быть назван колористическим, поскольку исходной точкой многочисленных семантических вариаций слов были единицы, называвшие признак предмета по цвету.

В докладе использованы общепринятые сокращения, а также сокращенные названия памятников письменности, расшифровку которых можно найти в исторических словарях русского и белорусского языков.